

УДК 1(091)(47)
ББК 87.3 (2)
ПЗ8

*Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается*

*На обложке — фотография
«Внутренний вид снарядного цеха Путиловского завода»,
фотосалон К. Буллы, 1900-е годы*

Плеханов, Георгий Валентинович.

ПЗ8 Наши разногласия. К вопросу о роли личности в истории. Основные вопросы марксизма / Г.В. Плеханов. — Москва : Издательство АСТ: ОГИЗ, 2023. — 512 с. — (Вся история в одном томе).

ISBN 978-5-17-153422-6

В сборник трудов крупнейшего теоретика и первого распространителя марксизма в России Г.В. Плеханова вошла небольшая часть работ, позволяющая судить о динамике творческой мысли Георгия Валентиновича. Начав как оппонент народничества, он на протяжении всей своей жизни исследовал марксизм, стремясь перенести его концептуальные идеи на российскую почву. В.И. Ленин считал Г.В. Плеханова крупнейшим теоретиком марксизма, особенно ценя его заслуги по осознанию философии учения Маркса–Энгельса.

В современных условиях идеи марксизма во многом переживают второе рождение, становясь тем инструментом, который позволяет объективно осознать происходящие мировые процессы.

Издание представляет интерес для всех тех, кто изучает историю мировой общественной мысли, стремясь в интеллектуальных сокровищницах прошлого найти ответы на современные злободневные вопросы.

**УДК 1(091)(47)
ББК 87.3 (2)**

ISBN 978-5-17-153422-6

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Г.В. ПЛЕХАНОВ И ЕГО ВРЕМЯ

Георгий Валентинович Плеханов (1856–1918) — совершенно новое явление в культурной и политической жизни России конца XIX века. Он стал первым российским распространителем идей марксизма. По существу, он был пионером, пропагандистом новых нравственных ценностей, быстро овладевавших умами многих совестливых россиян.

Это был человек редчайшего интеллекта, обладавший потребностью постоянного совершенствования своих знаний. Окончив с золотой медалью Михайловскую Воронежскую военную гимназию, он поначалу последовал примеру отца — отставного штабс-капитана — и начал учебу в юнкерском училище в Петербурге. Служба не задалась, и молодой человек, расставшись навсегда с армией, поступил в столичный Горный институт, старейший вуз России. Там он был на хорошем счету, получал именную стипендию, которой, правда, не хватало на оплату обучения. В результате в 1876 году он был отчислен из института за неуплату.

Вероятно, на формировании взглядов юного Г.В. Плеханова сказалась и семейная атмосфера. Его отец, Валентин Петрович, был человеком образованным и слыл вольтерьянцем. Мама также отличалась высокой образованностью: обучала детей русскому и французскому языкам, а также географии и математике. Не ускользнуло от биографов и то обстоятельство, что она была внучатой племянницей великого В.Г. Белинского. В юности Георгий надолго был увлечен примером и теоретической деятельностью Н.Г. Чернышевского, что в значительной мере сформировало его последующие революционные убеждения.

Успев окупиться в студенческую среду, Георгий Валентинович проникся революционными идеями, творчески перерабатывая их применительно к общественной динамике. Это позволило ему оценить перспективы марксистских идей, с которыми российские революционеры почти не были знакомы. Эмигрировав в 1880 году в Швейцарию, он получил возможность непосредственного изучения трудов К. Маркса и Ф. Энгельса.

Как и большая часть современников-единомышленников, Г.В. Плеханов компенсировал нехватку формального образования колоссальной самостоятельной работой. Сфера его интеллектуальных интересов была огромна: философия, экономика, социология, этика, эстетика, искусствоведение, журналистика, история общественной мысли, литературное творчество. Во всех этих областях знания он достиг высоких результатов, став, вероятно, крупнейшим теоретиком-марксистом России на многие десятилетия.

Организовав в 1883 году первую в Российской империи марксистскую организацию — группу «Освобождение труда», — он, несмотря на эмиграцию, на практике возглавил в России процесс изучения новейшей общественной мысли — самого передового для своего времени научного взгляда на процесс формирования и развития общества. Вскоре эта марксистская организация выпустила основательный труд — брошюру «Социализм и политическая борьба», совершенно по-новому представившую суть противоборства трудящихся со своими угнетателями. Вслед за ней летом 1884 года была написана крупная работа «Наши разногласия», которая справедливо считается программным документом.

Вероятно, толчком к написанию этой работы стала небольшая публикация известного революционера П.Л. Лаврова в «Вестнике Народной Воли», где Петр Лаврович критиковал программу группы «Освобождение труда». Смелый и искусный полемист Г.В. Плеханов предварил книгу «Наши разногласия» очень корректным, но крайне беспощадным письмом П.Л. Лаврову. В нем Георгий Валентинович образно заявил о том, что потенциал народничества как общественной мысли исчерпан: «Вместе с Александром II динамит убил и эти теории». По мнению первого российского марксиста, прежние революционные идеи «не живут, не развиваются, но они еще продолжают разлагаться, и своим разложением заражают всю Россию, от самых консервативных до самых революционных ее слоев».

«Наши разногласия» — это не только труд, в котором четко очерчены качественные различия между народолюбческими и

марксистскими идеями. В нем безапелляционно утверждается, что «Народная воля» исчерпала свои теоретические и практические возможности, став историческим фундаментом для марксизма — самого передового идейного течения своего времени.

Но Г.В. Плеханов никогда не забывал об исторических корнях марксизма в России. Хотя опубликованная в 1898 году статья «К вопросу о роли личности в истории» подтверждала этот факт, Георгий Валентинович оставался бескомпромиссен: он решительно выступал против идеалистического субъективизма русского народничества, считая, что дни его сочтены, а будущее — за марксизмом. Практика показала, что он в своем утверждении не ошибался: в ближайшие десятилетия это идейное направление было очень конкурентоспособным, сформировав предпосылки к пересмотру взглядов на процесс дальнейшего развития человечества, что повлекло за собой череду революций в разных странах мира как пролог несостоявшейся мировой революции.

В конце 1907 года Г.В. Плеханов написал статью «Основные вопросы марксизма», которую В.И. Ленин считал лучшим изложением философии марксистской теории. Хотя работа была приурочена к 25-летию со дня смерти К. Маркса, она, как представляется, во многом впитала в себя и опыт Русской революции 1905–1907 годов. Вероятно, в результате у Георгия Валентиновича еще более укрепилась в сознании мысль о том, что марксизм — это не только выдающийся результат работы интеллекта, но и единственно верное практическое учение для людей, стремящихся к преобразованию мира.

Оценивая деятельность Г.В. Плеханова, нельзя не заметить, что его творческие интересы были очень разнообразны. Он умел оценивать события и явления сразу в нескольких плоскостях: с точки зрения философии, экономики, культуры, видя в марксизме универсальный метод преобразования общества в планетарном масштабе.

Г.В. Плеханов был первым российским марксистом, целенаправленно предпринимавшим практические шаги по утверждению этого идейного течения в Российской империи. Об этом

говорит его эмигрантская деятельность, в частности создание в 1894–1895 годах «Союза русских социал-демократов за границей», активное участие в 1900–1903 годах в зарождении газеты «Искра». Огромна и его роль в подготовке и проведении II съезда РСДРП в 1903 году. Именно тот год стал точкой отсчета крупных разногласий во взглядах и практических действиях между Г.В. Плехановым и В.И. Лениным. Но если Георгий Валентинович был человеком крайне несговорчивым, вспыльчивым и бескомпромиссным, что существенно дистанцировало его от большевистского лидера, то Владимир Ильич относился к своему старшему товарищу и во многом оппоненту с огромным пиететом, считая его непревзойденным теоретиком и знатоком марксизма. Недаром в 1921 году он написал о том, что труды Г.В. Плеханова о марксизме — «это лучшее во всей международной литературе марксизма».

Публикуемые в этом сборнике труды Г.В. Плеханова — лишь небольшая часть его произведений, часть выпущенного в Советском Союзе в 1923–1928 годах 24-томного издания. Именно публикуемые три работы автора дают возможность проследить динамику его взглядов и уверенность в том, что марксизм будет актуален всегда.

*С.Н. Полторак,
доктор исторических наук, профессор,
член Союза писателей Санкт-Петербурга,
главный научный сотрудник
научно-исследовательского центра
Ленинградского государственного университета
им. А.С. Пушкина*

НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ

ПИСЬМО К П.Л. ЛАВРОВУ (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Многоуважаемый Петр Лаврович!

Вы недовольны группой «Освобождение труда». В №2 «Вестника Народной Воли» Вы посвятили ее изданиям особую заметку, и хотя заметка эта очень невелика, но заключающихся в ней двух с половиной страниц было достаточно для выражения Вашего несогласия с ее программой и Вашего неудовольствия по поводу ее отношения к партии Народной Воли.

Привыкши издавна уважать Ваши мнения, зная, кроме того, с каким вниманием прислушивается к ним наша революционная молодежь всех оттенков и направлений, я позволю себе сказать несколько слов в защиту группы, к которой Вы отнеслись, как мне кажется, не совсем справедливо.

Я тем более считаю себя в праве сделать это, что в своей заметке Вы говорите, главным образом, о моей брошюре «Социализм и политическая борьба». Ею вызваны Ваши упреки, ее автору удобнее всего и отвечать на них.

Вы находите, что эта брошюра может быть разделена на две части, «к которым», по Вашему мнению, «Вам приходится отнестись различно». Одна часть этой брошюры, «именно вторая глава, заслуживает такое же внимание, как все серьезные труды по вопросам социализма». Другая, значительная доля ее, — говорите Вы, — посвящена полемике против прежней и настоящей деятельности партии Народной Воли, заграничным органом которой имеет в виду быть Ваш журнал. И Вы не только не согласны с мнениями, высказанными мною в этой части моей брошюры, но самый факт «полемике против Народной Воли» кажется Вам заслуживающим строгого порицания. Вы думаете, что «не особенно трудно было бы доказать г-ну Плеханову, что его нападения могут быть встречены весьма вескими возражениями, тем

более что, — может быть, вследствие поспешности — он цитирует неточно». Вы убеждены также, что моя «собственная программа действия» включает в себе, может быть, гораздо большие недостатки и непрактичности, чем те, в которых я обвиняю партию Народной Воли». Но для указания этих недостатков и непрактичностей Вы, к величайшему моему сожалению, не имеете свободного времени. По Вашим словам, «орган партии Народной Воли» посвящен борьбе против политических и социальных врагов русского народа; эта борьба так сложна, что требует от Вас «*всего* Вашего времени, *всех* Ваших трудов». Вам «нет ни досуга, ни охоты» посвящать долю Вашего издания «на полемику против фракций русского революционного социализма, считающих, что для них полемика с Народной Волей более своевременна, чем борьба с русским правительством и с другими эксплуататорами русского народа». Надеюсь, что само время разрешит спорные вопросы в Вашу пользу, Вы не считаете полезным «подчеркивать не особенно значительное разногласие» Ваше с «Освободителями труда» — как Вам угодно называть нас¹ — прямыми ударами, направленными на фракцию, большинство членов которой может быть не сегодня-завтра в рядах Народной Воли. Это превращение «Освободителей труда» в народовольцев кажется Вам тем более вероятным, что, по Вашим словам, «сам г-н Плеханов, как он указал в предисловии к своей брошюре, совершил уже достаточно значительную эволюцию в своих политико-социальных убеждениях», и Вы «имеете основание надеяться — на новые шаги» с моей стороны «в том же направлении». Дойдя до этого пункта в своей «эволюции», пункта, который кажется Вам,

¹ По поводу этого придуманного Вами названия я позволю себе мимоходом, заметить следующее: «Освобождение труда» есть девиз и название нашей группы. Но называть группу «Освобождение труда» группой «Освободителей труда» — значит грешить против этимологии. Поясню это примером. Ваши сотрудники очень много говорят о «народоправлении»; при некоторой логической последовательности они должны были бы согласиться, что самое название их партии — «Народная Воля» — является ничем иным, как девизом, выражением стремления к такому политическому строю, представление о котором связывается со словом «народоправление». Но значит ли это, что они могут претендовать на титул народоправителей?

по-видимому, апогеем возможного в настоящее время развития русского социализма, я сознаю, быть может, — надеетесь Вы, — и еще одну сторону практической задачи всякой группы общественной армии, действующей против общего врага: именно, что расстраивать организацию этой армии — даже если в ней видишь или предполагаешь некоторые недостатки — дозвоительно только или врагам дела этой армии (из числа которых Вы меня исключаете), или группе, которая сама своею деятельностью, своею силою и организацией способна стать общественною армией в данную историческую минуту». Но такая роль «находится, по Вашему мнению, в далеком, да, пожалуй, и несколько сомнительном будущем» для «Освободителей труда» как таковых, т.е. не завершивших еще цикла своих превращений и изображающих собою в настоящее время нечто вроде народовольческих личинок или куколок.

Таково, многоуважаемый Петр Лаврович, содержание всего сказанного Вами о моей брошюре, переданное почти дословно. Я, быть может, утомил Вас обилием цитат из Вашей собственной заметки, но, с одной стороны, я боялся нового обвинения в том, что я — «не точно цитирую», а кроме того, я считал нелишним напомнить читателю Ваши слова во всей их полноте, чтобы таким образом облегчить ему произнесение окончательного приговора по нашему делу. Вы знаете, что читающая публика есть главный, верховный судья во всех спорах, возникающих в свободной «республике слова». Неудивительно поэтому, что каждая из сторон должна принимать все меры для выяснения этой публике истинного характера спорного вопроса.

Изложивши Ваши замечания на мою брошюру и Ваши соображения о принятой группою «Освобождение труда» тактике по отношению к партии Народной Воли, я перехожу теперь, многоуважаемый Петр Лаврович, к тем объяснениям, без которых невозможно правильное понимание мотивов, побудивших меня и моих товарищей поступать именно так, а не иначе.

Собственно говоря, я мог бы признать всякий разговор о таких мотивах совершенно излишним, а читатель может найти его очень малоинтересным. Как? Разве вопрос о ближайших задачах, тактике

и научном обосновании всей деятельности наших революционеров не составляет для нас самого важного, самого насущного вопроса русской общественной жизни? Разве вопрос этот может уже считаться решенным окончательно и безапелляционно? И разве не обязан всякий революционный писатель способствовать выяснению его всеми силами, какими он только обладает, со всем вниманием, на какое он только способен? Или выяснение это может быть признано полезным лишь в том случае, когда в результате получается то убеждение, что, не обладая непогрешимостью папы, русские революционеры не сделали, однако, ни одной ошибки в своей практической деятельности, ни одного промаха в своих теоретических рассуждениях, что «все обстоит благополучно» как в том, так и в другом отношении. Или люди, не разделяющие этой приятной уверенности, должны быть осуждены на молчание, и чистота их намерений может быть заподозрена всякий раз, когда они берутся за перо, чтобы обратить внимание революционеров на то, как ведется и как должно быть ведено, по их крайнему разумению, революционное дело? Если Спиноза еще в XVII столетии говорил, что в свободном государстве каждому должно быть предоставлено право думать, что он хочет, и говорить, что он думает, то возможно ли, чтобы это право могло быть подвергнуто сомнению в конце XIX века, в среде социалистической партии хотя бы и самого отсталого государства Европы? Признавая право свободной речи в принципе, занося требование его в свои программы, русские социалисты не могут предоставить *пользование* этим правом лишь той фракции или партии, которая претендует на гегемонию в данный период революционного движения. Я думаю, что теперь, когда наша легальная литература подвергается самому беспощадному гонению, когда в нашем отечестве, в области мысли, как и во всех других сферах деятельности, «все живое, все честное косятся», — я думаю, что в такое время от революционного писателя можно скорее потребовать объяснения его *молчания*, чем *факта появления* того или другого из его произведений. И если Вы согласитесь с этим, — а не согласиться едва ли возможно, — то Вы согласитесь также и с тем, что нельзя же осуждать на лицемерие писателя-революционера, который очень и очень многим должен

пожертвовать, по прекрасному выражению Герцена, «человеческому достоинству свободной речи». А если это так, то можно ли винить его, если он прямо, без обиняков и недомолвок, высказывает то, что думает о тех или других программах революционной деятельности. Я уверен, уважаемый Петр Лаврович, что Вы ответите на этот вопрос отрицательно. За это мне ручается, помимо всего другого, Ваша подпись под «Объявлением об издании Вестника Народной Воли», где на странице VIII мы читаем следующее: «Социализм, как всякая жизненная историческая идея, вызывает многочисленные, хотя не особенно существенные, разногласия между своими приверженцами, и много как теоретических, так и практических вопросов в нем остаются спорными. Вследствие большей сложности, больших затруднений и меньшей давности в развитии русского социализма, более или менее заметные расхождения во взглядах между русскими социалистами могут быть еще многочисленнее. Но это, повторяем, доказывает, что русская социалистическая партия есть партия живая, вызывающая энергическую работу мысли, энергические убеждения среди своих сторонников, партия, не успокоившаяся на догматическом веровании в заученные формулы».

Я не понимаю, каким образом редактор, подписавший это объявление, может встречать с неудовольствием литературные произведения группы, разногласия которой с Народной Волей он считает «не особенно значительными» («В.Н.В.» №2, отд. II, стр. 65, строка 10 снизу); я не могу допустить, чтобы журнал, напечатавший это объявление, мог относиться враждебно к людям, «не успокоившимся на догматическом веровании в заученные формулы». Ведь нельзя же думать, что вышеприведенные строки были написаны лишь для того, чтобы объяснить читателю, почему «программа, поставленная «Вестником Народной Воли», охватывает взгляды, в некоторой мере нетожественные между собою» («Объявл. об изд. В.Н.В.», стр. VII). Нельзя также предполагать, что, поставив себе такую «определенную программу», «В.Н.В.» признает жизненное значение «более или менее заметных расхождений между русскими социалистами» лишь в том случае, когда они «не выходят из пределов» этой

программы, «охватывающей взгляды, в некоторой мере нетождественные между собою». Это значило бы быть терпимым лишь по отношению к членам своей собственной церкви, признавать с героями Щедрина, что оппозиция не вредна лишь в том случае, если она не вредит. Такой либерализм, такая терпимость немного отрадного заключали бы в себе для всех русских социалистов-«нонконформистов», которых теперь, по-видимому, не мало, так как Вы в своей заметке говорите о «фракциях, считающих, что для них полемика против Народной Воли своевременнее» и т.д. Из этих слов явствует, что таких фракций, по крайней мере, две и что «В.Н.В.», «имеющий в виду быть органом объединения всех русских социалистов-революционеров», до сих пор далеко не достиг еще своей цели. Я думаю, что такая неудача должна была бы расширить, а не суживать пределы свойственной его редакции терпимости.

Вы советуете мне не «расстраивать организацию» нашей революционной армии. Но, прежде всего, позвольте мне спросить Вас, о какой «общественной армии» говорите Вы? Если под этой метафорой Вы понимаете организацию «партии Народной Воли», — то я никогда не думал, что моя брошюра окажет на нее разрушительное действие, и убежден, что первый спрошенный Вами народоволец успокоит Вас на этот счет. Если же под «расстраиванием организации общественной армии» Вы понимаете привлечение к нашей группе людей, по тем или другим причинам стоявших вне «партии Народной Воли», то от такого привлечения «организация общественной армии» может только выиграть, так как в ее среде появится новая группа, составленная, так сказать, из новобранцев. Кроме того, с каких это пор обсуждение пути, по которому идет та или другая армия, выражение уверенности в том, что существует другой путь, который вернее и скорее приведет ее к победе — стало считаться «расстраиванием организации этой армии»? Я думаю, что такое смешение понятий возможно только в диких полчищах азиатских деспотий, а никак не в армиях современных цивилизованных государств. Кому же не известно, что критика тактики, принятой той или другой армией, может повредить разве лишь военной репутации генералов этой

армии, которые, пожалуй, не прочь будут «наложить палец молчания» на нескромные уста. Но при чем же здесь «организация армии», да и кто ее предводители? Вы знаете, что такие предводители могут быть или выбранными самими рядовыми, или назначенными сверху. Допустим на минуту, что Исполнительный комитет играет роль предводителя нашей революционной армии. Спрашивается, обязаны ли повиноваться ему даже те, которые не участвовали в его избрании, а если он назначен сверху, то кто и какую имел власть для этого назначения?

Вы относите нашу группу к «фракциям русского революционного социализма, считающим, что для них полемика с Народной Волей более своевременна, чем борьба с русским правительством и с другими эксплуататорами русского народа». Позвольте мне спросить Вас, думаете ли Вы, что к числу особенностей русского народа и «данной исторической минуты» относится и то обстоятельство, что борьба «против его эксплуататоров» может быть ведена без распространения идей, в которых выражались бы смысл и тенденция этой борьбы. Мне ли, бывшему бунтарю, доказывать Вам, бывшему редактору журнала «Вперед», что рост революционного движения не мыслим без распространения наиболее передовых, наиболее здравых, словом, наиболее революционных идей и понятий в соответствующем слое общества? Ваше ли внимание нужно обращать на то обстоятельство, что социализм — как он выразился в сочинениях Маркса и Энгельса — представляет собою самое могучее духовное оружие в борьбе со всевозможными эксплуататорами народа? В распространении же учений названных писателей и заключается цель моих товарищей, как это ясно высказано в объявлении об издании «Библиотеки современного социализма». Что социализм школы Маркса во многом расходится с «русским социализмом, как он выразился» в нашем революционном движении вообще и в партии «Народная Воля» в частности — это не подлежит ни малейшему сомнению, так как «русский социализм» до сих пор еще носит очень длинную бакунистскую косу за своей спиной. Так что русским марксистам нередко приходится поэтому становиться в отрицательное отношение к некоторым «заученным формулам» русского социализма — это

также вполне понятно и естественно; но отсюда еще никоим образом не следует, что они борьбу против революционеров предпочитают борьбе против правительства. В «Вестнике Народной Воли» некто г-н Тарасов усиливается опровергнуть одно из основных положений исторической теории Маркса². Статья г-на Тарасова занимает первое *место*, так сказать, передний угол в №2 «В.Н.В.». Значит ли это обстоятельство, что г-н Тарасов находит, что для него полемика против Маркса «своевременнее, чем борьба с русским правительством и с другими эксплуататорами русского народа»? Или полемика, уместная и «своевременная» под пером дюрингианцев, бакунистов и бланкистов, становится оскорблением величества русской революции, как только возвышают свой голос марксисты? Справедливо ли, скажу больше, объяснимо ли такое отношение со стороны писателя, столько раз заявлявшего о своем согласии с теориями Маркса?

Я хорошо знаю, что решение вопроса о задачах нашей революционной партии, с точки зрения названных теорий, представляет собою далеко не легкую задачу. Основные положения этих теорий составляют, собственно говоря, лишь «большую посылку» силлогизма, так что люди, одинаково признающие правильность и великое научное значение этой первой посылки, могут соглашаться или расходиться между собою в выводе, смотря по тому, как понимают они вторую, «малую», посылку, роль которой должна

² С г-ном Тарасовым я еще надеюсь побеседовать особо, но окончании его статьи. Теперь же замечу, что г-н Тарасов совсем не понял ни Маркса, ни его «эпигонов», и в своей святой простоте полемизирует, в сущности, против маленького буржуа Жоржа Молилари, а отнюдь не против великого социалиста Карла Маркса. Точно так же «метод» г-на Тарасова приводит меня в большое смущение. Почтенный автор, очевидно, заимствовал его из той же самой буржуазной науки, «банкротство» которой он так неопровержимо доказал в первом номере «Вестника». Как буржуазные писатели для доказательства своих «естественных законов» имели обыкновение изобретать «дикарей», которые, разумеется, ни о чем так не мечтали, как о «сбережении и накоплении капитала», так и г-н Тарасов, сознательно уже игнорируя данные современной этнологии, изобретает «дикарей», которые оказываются явными бланкистами и стремятся лишь к «захвату власти» над своими соседями. Этот своеобразно индуктивный метод грозит привести к полному «банкротству» социалистическо-дюрингианскую «науку» г-на Тарасова.

играть та или иная оценка современной русской действительности. Я нисколько не удивляюсь поэтому Вашему несогласию с нашей программой, хотя и думаю, что, оставаясь марксистом, Вы не в состоянии были бы «доказать» мне, что «моя» программа заключает в себе «гораздо большие недостатки и непрактичности», чем те, в которых я «обвиняю партию Народной Воли». Но никакие разногласия в оценке современной русской действительности не объяснят мне и моим товарищам того несправедливого отношения, в какое Вы стали к нам в своей заметке.

Я обращаюсь к беспристрастию читателя. На письменном столе редактора Вестника Народной Воли лежат две брошюры, изданные группой «Освобождение труда». Одна из этих брошюр представляет собою перевод того сочинения Энгельса, которое уважаемый редактор называет «самым замечательным произведением социалистической литературы за последние годы».

Вторая из этих брошюр, по словам того же редактора, одною своею частью заслуживает «такое же внимание, как и все серьезные труды по вопросам социализма». Другая часть этой брошюры заключает в себе «полемику против прежней и настоящей деятельности Народной Воли, полемику, которая имеет целью доказать этой партии, что, «нанеся своею практическою деятельностью смертельный удар всем традициям правоверного народничества и сделав так много для развития революционного движения в России, партия Народной Воли не может найти оправдания, да и не должна искать его, помимо современного научного социализма»³. И эта-то одна часть одной части изданий группы «Освобождение труда» доказывает, по мнению нашего редактора, что названная группа задается чуть ли не исключительно целью «полемики против Народной Воли» и ради этой цели готова отказаться от борьбы с правительством. При самой незначительной доле беспристрастия, читатель согласится, что такое умозаключение от части к целому не оправдывается характером других частей этого целого.

Я не отрицаю полемического или, вернее, критического характера «одной части» своей брошюры. Но что полемика против

³ См. «Социализм и политическая борьба», стр. 20 (стр. 43 этого тома собр. соч.).

Народной Воли не являлась исключительной целью даже этой, инкриминированной, ее части, — видно уже из того, упущенного Вами, Петр Лаврович, из виду обстоятельства, что моя критика не ограничивалась одним народовольческим периодом русского движения. Я критиковал там и другие его формации. И если уже из факта печатного и притом *мотивированного* выражения моего несогласия с той или другой революционной программой следует, что полемика против этой программы составляет главную цель моей литературной деятельности, то в интересах истины нужно было бы значительно расширить выдвинутое против меня обвинение. Следовало сказать, что главной целью моей литературной деятельности является полемика против анархистов, бакунистов, народников старого толка, народовольцев и, наконец, марксистов, не понимающих значения политической борьбы в деле эмансипации пролетариата». Кроме того, нужно было бы принять в соображение еще и то обстоятельство, что «другая доля брошюры г-на Плеханова посвящена изложению и подтверждению философско-исторической стороны учения Маркса и Энгельса». Тогда было бы ясно, что я виновен в распространении тех революционных взглядов, которые я разделяю, и в полемике против тех, которые кажутся мне ошибочными. Но и это не все. При внимательном рассмотрении всех обстоятельств дела из него явствовало бы, что мое преступление совершено «по заранее обдуманному намерению», так как еще в «Объявлении об издании Библиотеки современного социализма» я и П. Аксельрод прямо заявляем, что задача наших изданий сводится:

1) к распространению идей научного социализма, путем перевода на русский язык важнейших произведений школы Маркса и Энгельса и оригинальных сочинений, имеющих в виду читателей различных степеней подготовки;

2) к критике господствующих в среде наших революционеров учений и разработке важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России.

Таков истинный характер вызвавшего Ваше неудовольствие «деяния». Чтобы сделать хоть один упрек человеку, его совершившему, нужно прежде всего доказать, что теперь не представляется